

МИХАИЛ ПОПОВ

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Роман
Повесть

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2023

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
П58

Попов, М. М.

П58 Трое неизвестных : роман, повесть / Михаил Попов. — Минск :
Четыре четверти, 2023. — 240 с.
ISBN 978-985-581-646-2.

Кто они — эти «трое неизвестных», читателю становится понятным уже с первых страниц романа российского писателя Михаила Попова. Перипетии бурного покорения ими столицы, постстуденческая взрослая жизнь, любовные приключения, сложные 90-е годы описаны с добрым юмором и теплотой. Подающие надежду сочинители, приехавшие из разных мест, осваивали, прежде всего, Литературный институт имени М. Горького.

Проникновенным признанием в сыновней любви звучит повесть «Идея». В центре сюжета — судьба матери, прошедшей войну, дожившей до новых для нее испытаний — перестройки и появления нуворишей.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-646-2

© Попов М. М., 2023
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Роман

Их поселили в одной комнате гостиницы «Спутник» на Всесоюзном совещании молодых писателей. Три подающих надежды сочинителя. Миша Вартанов из Ростова, Сережа Садофьев из Бологого и Леша Шардаков с далекого курильского острова. Что они сочиняли? Да, в общем-то, все называли себя поэтами, а дальше — как судьба распорядится.

За те несколько дней, что продолжалось пышное советское мероприятие, они здорово сдружились и единогласно решили, что не пойдут на общее мероприятие, большой сбор в зале для конгрессов гостиницы «Спутник». Там предполагалась массовая раздача заслуженных слонов представителями писательского руководства. Миша, Леша и Сережа своих небольших наградных животных уже получили — вызов на экзамен в Литературный институт по прохождении творческого конкурса, поэтому решили потратить последний день в столице с пользой. Посетить ЦДЛ, Дом писателей на улице Воровского, что неподалеку от метро «Баррикадная».

Вартанов лучше всех ориентировался в Москве, Садофьев и Шардаков последовали за ним.

ЦДЛ они нашли легко, но, как выяснилось, внутрь пускали не всех. Только членов Союза и пришедших с ними женщин. Парни загрузили.

Садофьев и Шардаков закурили. Вернее, закурил Шардаков, невысокий, крепкий, загорелый островитянин, весь в каких-то царапинах, будто прорывался в литературу прямо из непроходимой тайги. Садофьев составлял ему компанию. Он был выше ростом, с волосами до плеч, серо-голубыми глазами, одет в польские джинсы, белую куртку, в отличие от Шардакова, носившего черный, душный костюм провинциального модника с огромными лацканами.

Вартанов успел с кем-то завязать разговор из числа вившихся у входа личностей. Он обращал на себя внимание отличным джинсовым фирменным костюмом и располагал к общению приятным вкрадчивым голосом. Собеседником его был некий двадцатипятилетний примерно тип в белых полусапожках на каблуке и распахнутой до пупа клетчатой темной рубашке.

— Все в порядке, — сказал Вартанов, подходя к своим. — Это Юра, он нам поможет.

— Он писатель? — недоверчиво спросил знающий жизнь Шардаков.

— Он нас проведет, — уклончиво ответил Вартанов.

— Ну что, пошли? — подал голос Юра, подходя кавалерийской, можно даже сказать, чуть-чуть гарцующей походкой.

Оказалось, что Юра хоть пока еще не являлся членом союза, но знал все тайные пути в буфет ЦДЛ.

Они двинулись в сторону площади Восстания. Вартанов — решительно, Садофьев с выражением — будь что будет. Один Шардаков был в сомнении.

— А если нас сцапают? Еще запомнят.

Юра весело расхохотался. Кажется, его уже не раз сцапывали.

— Ты же сам хотел сюда. Нельзя отступить. Неудовлетворенные желания — это яд для организма, — настаивал Вартанов.

Они обошли полквартала и остановились перед монументальным крыльцом. На него, величественно кивнув швейцару, вышел — они сразу его узнали — Сергей Михалков.

— Ничего себе! — непонятно что имея в виду, сказал Садофьев.

— Только себе, все только себе, — мелко скаламбурил Юра и поманил своих сусанинцев за собой. Они вошли в подворотню, открыли дверь в стене и по очереди нырнули внутрь. Шардаков попридержал Мишу Вартанова.

— А чего он так ради нас старается?

— Гос-споди, да он падает нам на хвост, только и всего. За провод.

— А-а.

Возбуждаемый приятными предвкушениями местный сталкер Юра, что-то бормотал про «тропу Доброскокина». Вновь обретенные друзья терпеливо следовали вслед за ним по каким-то узким

коридорчикам, поворачивая в неожиданных местах. На очередном таком повороте Юра вдруг замер, как будто его каблуки провалились в паркет. И он прошептал гневно и беспомощно:

— Гена!

И действительно, впереди показался невысокий человек в серой паре с бабочкой под подбородком. Если его как-то и можно было назвать, то именно Геной.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он скукожившегося Юру. — Так, молодые люди, давайте-ка на воздух. Ты уже бригадами стал сюда водить? — это опять к Юре.

Когда все оказались на улице, Юра довольно долго оставался среди обманутых клиентов, пытаясь объяснить, что сам по себе план был великолепен, но Гена, замдиректора ресторана, совершенно неожиданно оказался в библиотечном коридоре, хотя все знают, что он в жизни не прочитал ни одной книги.

К Юре все сразу потеряли интерес.

Шардаков закурил. Вартанов пялился на вывеску Театра-студии киноактера на другой стороне улицы. Один Садофьев старался хоть как-то смягчить неудачу Юры, подкашливал его речам и кивал белокурой шевелюрой.

Но тут кое-что произошло. У парадного крыльца остановилось такси, и оттуда солидно, можно сказать увесисто, выбрался сорокалетний мужчина в белом костюме.

Молодые люди отреагировали на его появление по-разному. Юра куда-то слинял, а трое неудачников смущенно потупились. Им было неудобно, что руководитель их семинара застает их в этом злачном месте, вместо того чтобы найти на подведении итогов Всесоюзного совещания.

— А, вы уже здесь, — не удивился Молоканов, захлопнув дверь авто. — Скоро поняли, где тут масло на бутерброде.

Троица молчала.

Руководитель, кажется, не был склонен к нравоучениям, к тому же был без компании и посмотрел на литературную молодежь именно в этом смысле.

— Что, не можете пройти?

— Именно, Анатолий Анатольевич, — подрулил к нему Вартанов.

— Ну так пошли со мной.

Обретя в лице Молоканова Вергилия совершенно другого уровня, компания застучала каблуками по ступеням, продолжая чуть-чуть побаиваться рослого, фигуристого швейцара. Тот даже не пикнул.

Фойе. Сплошь черное дерево и зеркала. У зеркала стоял крупный холеный человек и аккуратно поправлял мизинцем усики.

Молоканов, не посмотрев даже, слышат ли его семинаристы, был уверен — слышат, громко произнес в спину любующемуся собой:

— Привет мировому сионизму!

Тот не растерялся и сытым, благодным голосом поинтересовался:

— От кого?

Молоканов и тип у зеркала захохотали.

Спутники Молоканова оторопели, они привыкли в провинциальных палестинах, что «эти» разговоры ведутся осмотрительно, как бы из-под полы, а тут такой блестящий публичный выпад. Что скажешь, Москва, тут у них все по-особенному, надо привыкать.

И Анатолий Анатольевич вошел.

В этот послеполуденный час зал ресторана, отделанный благородным темным деревом, был наполовину пуст. Там-сям клубилось несколько небольших компаний, с одной шуточно, по-домашнему беседовала официантка, в другой вдруг возвысился некий господин с бокалом. Тост.

На Молоканова и его гостей обратили внимание, официантка кивнула белому костюму, мол, одну минуточку, и действительно приблизилась буквально через пару секунд.

— Ну, выбирайте, — обратился Анатолий Анатольевич к молодым людям, и к официантке: — Для меня и моих молодых друзей.

Им был предложен уютный четырехместный столик в углу, подалее от прохода. Они уселись, с интересом просматривая глянце-вые страницы, разобрались с меню.

— Это так, для порядка, — продолжал солировать Анатолий Анатольевич. — Пускаем в дело малый джентльменский набор. Запоминайте, долгие годы вам придется прибегать к нему. В общем так, Наташа, — обратился он к официантке. — Для начала картошечка разварная с селедочкой, это первая местная закуска, без нее никак нельзя. Потом, поскольку мы обедаем, нам всем по соляночке. По мясной соляночке. Такой солянки, вы, поверьте мне, нигде есть не могли.

Дальше тарталетки, сырные и с паштетом, по восемь штук. Соления, капустки гурийской, как обычно. И — корейка, всем корейка.

— Что это? — спросил недоверчивый Шардаков.

Садофьев ткнул его локтем в бок, да ладно, мол, тебе.

Анатолий Анатольевич не удостоил его ответом.

— И пить, пить, конечно, будем водочку.

— Я бы вина выпил сухого красного, — осторожно подал голос Вартанов.

— Вы спорили со мной на семинаре, когда речь шла о том, как строится стихотворение! А как строится ЦДЛовский обед, я знаю еще лучше. Наташа, нам графинчик.

— Одну минуту.

— А хлеб? — требовательно спросил Шардаков.

— Ты бы еще о рюмках напомнил, — усмехнулся Вартанов, явно более опытный в ресторанном обиходе.

— Ну-с, — бодро сказал Молоканов, поднимая в руке графин и оглядывая дымящийся солянками стол. — За успешное окончание семинара.

Выпили, и быстро, сообразно тому, как действовала водка, молодые люди обрели себя.

— Вы довольны результатами? Кстати, почему не на подведении итогов?

— Сегодня вечером у кого самолет, у кого поезд, — сказал Садофьев, жмурясь от удовольствия — солянка была очень вкусная.

— В институт надо подготовиться, — пояснил Шардаков, катая во рту маслину.

— Вам же еще экзамены сдавать. Творческий конкурс вы прошли, а «жи-ши» отвечать придется. Хотя, — Молоканов снова налил водки. — Главное — все-таки конкурс, на экзаменах никого не валят.

Выпили.

— Вы, кстати, деньги на обратную дорогу отложили? А то будете голодать в пути.

— Я самолетом. Мне десятки хватит.

Молоканов ухмыльнулся.

— Как говорит современный гений Андрей Георгиевич Битов, на десять рублей можно и не улететь.

Поняв, что острота не полностью дошла до молодых людей, Анатолий Анатольевич вновь поднял графин.

— Кстати, «Шагреновую кожу» читали?

— Ну, читали, — с некоторым вызовом произнес Садофьев, спеша перехватить честный ответ Шардакова.

Руководитель семинара вдруг слегка помрачнел, впал в подобие философского настроения.

— Знаете, ведь жизнь наша — своего рода шагреновая кожа, это поначалу кажется, что все впереди. Вот с какого-то момента начинаешь замечать — стала убывать, убывать... В конце концов всего и остается желать, чтобы вокруг было «чисто и светло».

— Это Хемингуэй, — подловил руководителя Садофьев.

Тот посмотрел на него, молча выпил и тут же вернулся в привычное праздничное состояние.

— А знаете, почему меня одолевают такие мысли?

— Не знаем, — ответил Шардаков.

— Знаете, где мы с вами сейчас обед кушаем?

Молодые люди молчали.

— Это помещение знаменитой Олсуфьевской ложи. Масонской, естественно.

Ученики напряглись с рюмками в руках, с интересом глядя на учителя.

— Толя! — раздался голос, и к столу подошел невысокий рыжий человек в голубом клетчатом костюме. — Я тебя уже полчаса жду.

— А-а, прошу любить и жаловать, — повел рукою, оснащенной рюмкой, в его сторону Молоканов. — Совесть земли русской и по совместительству ее же гений.

Рыжеволосый сердито нахмурился.

— Я жду тебя наверху, — и начал подниматься по крутой узкой лестнице с перилами, что вела на антресоли ресторанный зала.

— Так вот, молодые люди, что-то я хотел вам сказать, но, кажется, не скажу. Скажу другое, в духе дня, но вы меня послушайте.

— Слушаем, — сказал Шардаков, сияя всеми своими шрамами и царапинами.

— Бегите отсюда, пока не поздно, на просторы большой жизни, а то завязнете тут как мухи в янтаре.

После этого он хлопнул рюмаху, потыкал вилкой в кусок капусты у себя на тарелке и встал.

— Ну что ж, хорошего помаленьку.

— Понемножку, — вежливо и тихо поправил Садофьев.

— А я отправляюсь в клуб четырех коней.

И ушел, оставив весьма противоречивое о себе впечатление.

Молодые люди заказали еще один графинчик, а потом еще. День медленно клонился к закату.

— А я все равно приеду поступать, — суммируя свои сомнения, сказал Шардаков во время одного из тостов.

— А чего ты, там же у тебя на Итурупе красиво — север.

— Сам ты север.

— А у нас в Ростове хорошо, абрикосы пошли.

— А у нас ничего не растет, — вздохнул Садофьев.

— Все же здорово, ребята, что мы напали друг на друга, даже расставаться не хочется, — вдруг расчувствовался Шардаков.

Следующий графин официантка нести отказалась и вежливо намекнула, что им, в общем-то, пора собираться.

Варганов все время крутил головой, непонятно что стараясь углядеть. Хотя, в общем, понятно. Еще на семинаре тот высмотрел пару симпатичных девиц, и теперь рассчитывал, что они появятся здесь. Зал уже был полон, и в воздухе стоял сдержанный благородный гул, как от работы большой группы компьютеров, сказал бы я, если бы это сравнение было уместным хронологически.

— А меня никто дома не ждет, — пустил вдруг слезу Шардаков.

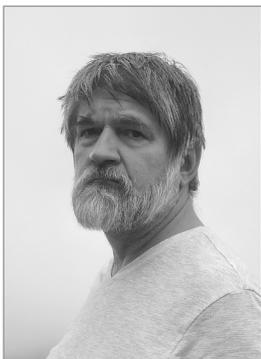
— То есть? — заинтересовались друзья.

— Совсем. Мамка со своим хахалем, кажется, даже не заметила, что я куда-то укатил.

— Мальчики, на воздух, — пролетел над головами зов официантки.

Они поднялись, как карбасы на волнах, медленно пошли к выходу.

— Стой, а там что, — сообразил Варганов, указывая вглубь помещения. Выяснилось, что там коридор, занятый слева стойкой. Здесь им оказались неожиданно рады. Тут торговали в розлив. Шардаков решительно потребовал три по пятьдесят все той же водочки. Они встали, неудобно облокотившись на стойку, вокруг все плавало,

Творческая биография **Михаила Попова** началась в те годы, когда он жил в Гродненской области, учился в Жировичском совхозе-техникуме, продолжилась в литературном институте им. А. М. Горького, в который он поступил в 1978 г. Михаил Михайлович окончил семинар поэзии, но впоследствии писал в основном прозаические книги, однако выпустил несколько поэтических: «Знак» (1988) и «Смерть Вергилия» (2022).

Автор более тридцати книг, наиболее известные из которых: «Пир» (1988), «Олоннэ» (2003), «Преображенская площадь» (2012), «На креслах восточных» (2019). Произведения переводились на китайский, французский, немецкий, монгольский, латышский, арабский и другие языки.

Лауреат многочисленных российских и международных премий: Правительства Москвы, имени Ивана Бунина, «Москва-ПЕННЕ» (2012), Большая литературная премия России (2016).

Член Союза писателей России.

Содержание

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ (<i>роман</i>)	3
ИДЕЯ (<i>повесть</i>)	187
<i>Об авторе</i>	238